

А. В. Тимченко

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ НАУЧНАЯ МЫСЛЬ
ОБ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЯХ
ИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА**

46

Рассмотрены научные воззрения исследователей-правоведов в сфере уголовного права в дореволюционной России второй половины XIX – начала XX в. об институте уголовных наказаний имущественного характера. В частности, проанализирован труд Н.Д. Сергеевского об уголовных санкциях в русском праве XVII в. в области имущественных взысканий. Исследуются и работы таких ученых, как Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий и другие, с целью определить их научные воззрения по вопросам конфискации имущества, денежной пени, выявить отношение к имущественным уголовным санкциям, которое в большинстве своем оказывается негативным, и причины этого.

This article focuses on the theoretical ideas of criminal penalties of material nature in pre-revolutionary Russia of the second half of XIX – early XX century. The author provides an analysis of N. Sergeevsky's treatise on criminal financial sanctions in the XVII century Russia. Special attention is paid to the research works of N. Tagantsev, I. Foynitsky and others. The author analyses the views of the time concerning expropriation and fines, and identifies reasons for the prevailing attitude to criminal penalties of material nature, which was consistently negative.

Ключевые слова: имущественные наказания, штраф, конфискация, история наказаний, дореволюционное право.

Key words: financial penalties, fines, expropriation, history of punishment, the pre-revolutionary law.

История научных воззрений об институте наказаний имущественного характера тесно связана с историей развития науки уголовного права как таковой. Обусловлено это тем, что наказание вообще и наказания имущественного характера в том числе – это центральный институт (наряду с институтом преступления) всего уголовного права, интерес к которому исследователи проявляют с самого начала оформления последнего как науки.

Известен факт, что наказание как социально-политическое явление имеет такую же древнюю историю, как и преступление. Но, по свидетельству С. Будзинского, только «с конца XIII века... появляются отдельные трактаты об уголовном праве» [2, с. 13]. Да и те в современном понимании не соответствуют стандартам научных трудов: по большей части они представляют собой лишь компиляции судопроизводственной практики без какой-либо глубокой аналитической части; кроме

того, строго говоря, это в основном общеюридические труды, так как тогда не существовало еще четкого разделения отраслей права, а судопроизводство было единым для разных категорий дел. Так, С.М. Будзинский пишет:

В XVIII веке стали сознавать необходимость добраться до оснований нашей науки (уголовного права. — А.Т.), чтоб дать ей более прочное основание. Уже в начале этого столетия она становится предметом отдельного преподавания в немецких университетах. В сочинениях и руководствах начинают смотреть на нее с более научной точки зрения [2, с. 17].

В России становление науки уголовного права началось довольно поздно — в конце XVII — начале XVIII в. Г.С. Фельдштейн отмечает:

Первым периодом в истории научной юриспруденции, а вместе с тем и науки уголовного права в России, является та эпоха, когда криминалистика не только не обособляется еще в отдельную дисциплину, но не дифференцируется, с одной стороны, из области нравоучительной морали, не выходит, с другой стороны, еще за пределы простого описания уголовно-правовой практики и отчасти отражает некоторые естественно-правовые учения западной науки [9, с. 6].

По свидетельству того же исследователя осмысленное оформление науки уголовного права произошло в конце XVIII — начале XIX в. [9, с. 6–7]. О серьезных же научных исследованиях института наказания (в частности, наказаний имущественного характера) возможно говорить начиная лишь с середины XIX в. С этого времени практически каждый теоретик науки уголовного права уделял место в своих трудах наказанию. Достаточно назвать имена таких корифеев отечественной юриспруденции, как Н.С. Таганцев, Н.Д. Сергеевский, Д.А. Дриль, И.Я. Фойницкий, С.В. Познышев и др. Вершинами научной мысли дореволюционного периода существования российского государства в этой области можно считать труд Н.С. Таганцева «Русское уголовное право», второй том которого полностью посвящен наказанию, работу Н.Д. Сергеевского «Наказание в русском уголовном праве XVII века» и монографию И.Я. Фойницкого «Учение о наказании в связи с тюремным ведением».

Особняком среди известных дореволюционных российских трудов стоит монография Н.Д. Сергеевского «Наказание в русском праве XVII века», так как это единственное глубокое исследование института наказания, существовавшего в России в XVII столетии. Отдельную главу Сергеевский посвящает имущественным наказаниям, разграничивая последние на несколько видов: конфискация общая и специальная; отнятие поместий и убавка оклада; денежные пени; штрафы в пользу пострадавшего [7, с. 259]. Уже с этого момента проявляется научная составляющая описываемого труда — классификация имущественных наказаний проведена автором самостоятельно, путем изучения множества разрозненных правовых актов XVII в. и определения содержания тех видов наказаний, которые в них указывались. Известно, что в актах

того времени практически каждая новая норма содержала собственную санкцию. Таким образом, не существовало единой целостной системы наказаний, и при поверхностном рассмотрении того же Уложения 1649 г. можно выявить множество различных видов имущественных наказаний, которые, однако, содержательно являются тождественными. Так, Сергеевский к определению «конфискация общая» относит такие виды наказания, встречающиеся в документах XVII столетия: «животы все, и двор, и поместья, и вотчины имать на Государя», «взять на Государя», «взяты будут на Государя бесповоротно», «возьмут назад на царя» и т. п. Как видно, тогда не существовало семантического единства между наименованиями одной по сути своей санкции, которую по стандартам современного для себя государственно-правового устройства Н. Д. Сергеевский именует *конфискацией общей*. В отношении данного вида имущественного наказания автор делает еще несколько важных выводов. Первый заключается в том, что, как правило, санкции по многим составам преступления носят неопределенный характер в силу того, что представляют собой в большей степени угрозу применения наказания, чем само наказание, потому что данные санкции не использовались на практике и, судя по всему, задумывались субъектом творчества именно как угроза [7, с. 260]. Это, в общем-то, справедливо для всей системы наказаний того времени, включая Петровскую эпоху. Второй вывод — установление ряда случаев применения конфискации, о которых не было найдено свидетельств в правовых актах:

Но с достоверностью можно сказать, что здесь, как и во многих других случаях, сохранившиеся до нас законодательные памятники оставляют большие пробелы и в действительности применение конфискации поместий и вотчин имело еще большие размеры [7, с. 261].

Одним из таких деяний, по изысканию Сергеевского, было «злоупотребление власти помещиков и вотчинников над крестьянами».

Следующий вид имущественных наказаний — *отнятие поместий и убавка оклада* — сочетает в себе элементы конфискации и неизвестных в то время исправительных работ (то есть изъятие определенной части заработной платы осужденного в пользу государственного бюджета). Здесь Сергеевский группирует составы преступлений, по которым возможно назначение такого наказания, в соответствии с Уложением 1649 г., и приводит свидетельства из иных актов, содержащих подобную санкцию (например, Указ 1650 г.; Грамота 1661 г. октября 27). Помимо этого, он оценивает распространенность на практике применения данного наказания [7, с. 267].

Большую часть своего исследования об уголовных наказаниях имущественного характера Сергеевский посвятил денежной пене (нынешний штраф) — самому распространенному виду имущественных наказаний. В самом начале автор дает собственное научное определение пени — «взыскание известной суммы денег, определенной или в единицах меры, или посредством какого-либо иного приема» [7, с. 267–268]. Естественно, никакого легального определения штрафа в

изучаемый Сергеевским период не существовало; более того, его не было и ко времени начала исследования. Также проведена была семантическая работа, как и в случае с конфискацией, ведь по законодательству XVII в. существовало немало количеств наименований денежной пени («протаможье», «заповедь» и пр.). Автор группирует составы, по которым возможно было назначение денежного взыскания, рассматривает его размеры, порядок и методы взимания. При этом делаются важные выводы: о неопределенности санкции, сложности способов взыскания пени, что в целом свидетельствует о несовершенстве законодательной техники и правоприменительной практики [7, с. 272–273]. Кроме того, исследователь определяет сущность штрафа как меры наказания: при сравнительно незначительной карательной функции денежная пеня является первоочередным источником содержания тюрем.

В целом же труд Сергеевского с современных позиций можно назвать фундаментальным; он высоко ценится и в свое время, ведь проведенное научное изыскание позитивно сказалось на правотворчестве того периода.

Рассматривая научные взгляды исследователей XIX в. по вопросам, связанным с конфискацией, необходимо отметить, что в существовавшей в то время правовой системе этот вид наказания понимали как изъятие всего имущества, «отпись имения в казну» [8, с. 358]. Конфискация была исключительной мерой наказания, тесно связанной с «идеями вымирания личности, полного поражения всей сферы прав» [8, с. 358]. Отсюда исходит критика и даже полное неприятие данного вида наказания прогрессивным научным сообществом Российской империи. Вот что по этому поводу писал А. Ф. Бернер:

Конфискации имущества во время политических смут ведут к прокрипциям; затем они вовсе не падают на виновного, который обыкновенно бывает приговорен к смертной казни или пожизненному заключению, но подвергается бедствию его невинное семейство. Когда же преступнику оставляют жизнь и в то же время посредством отнятия имущества отнимается возможность жить, тогда конфискация представляет очевидное внутреннее самопротиворечие [1, с. 601].

Похожее мнение высказывал и А. Ф. Кистяковский:

Конфискация никогда не была вызвана общегосударственными интересами и всегда поддерживалась жадностью и страстью к захвату чужого состояния. Доносчики в Риме, царедворцы и фавориты государей в старое и Новое время, даже не высокопоставленные чиновники в Новейшее, а не государство как целое, в сущности, являлись наследниками конфискованных имений. Таким образом, это наказание всегда существовало и поддерживалось скорее неодобрительными побуждениями немногих, чем общенародными интересами всех. Кроме того, это наказание несправедливо по отношению к невинной семье осужденного. Для того, кто казнен смертью или осужден на вечное заключение, конфискация ничего не может прибавить. Но для его жены и детей она есть одно из самых тяжких наказаний, она лишает их средств жизни и тем толкает их на путь преступления [4, с. 890–891].

Эти мысли отражают самую суть неприятия такой меры наказания, как конфискация, которая, несмотря на исторические случаи ее отмены, сохранялась в отечественном законодательстве XIX в.

Основная причина критики конфискации заключалась в том, что в ней видели меру исключительно политическую («конфискация существует как военно-политическая мера» [5, с. 346]; «нередко это мера получала политическую окраску во время борьбы партий, усмирения восставших, обращаясь в средство материального обесценивания противников, а иногда и в позорное средство поправления бюджета» [8, с. 358]). Данные высказывания подтверждали и законодательство того периода, которое обозначало конфискацию исключительной мерой наказания, назначаемой для лиц, участвующих в бунтах, заговорах, восстаниях «против Власти Верховной», или за государственную измену. Кроме того, Н. С. Таганцев отмечал еще один аспект:

...как мера дополнительная, сопровождавшая смертную казнь и пожизненные взыскания, конфискация несостоятельна уже потому, что она всецело падает на лиц, неповинных в преступлении; как мера самостоятельная, она является и крайне неуравнительной, и совершенно бесцельной [8, с. 358–359].

Схожее мнение высказывал И. Я. Фойницкий, подчеркивая, что назначение наказания наследникам осужденного противоречит современному принципу индивидуальности карательных мер [10, с. 173].

Стоит отметить, что критика конфискации не была бесплодной. Так, в представлении Министерства юстиции в Государственном совете в 1871 г. по поводу проекта изменения иерархии наказаний, относительно конфискации было заявлено следующее:

Самое существование в законе подобного постановления, идущего вразрез с основными началами права собственности, не может не колебать того доверия к прочности и неприкосновенности имущественных прав, которое должно лежать в основе всякого благоустроенного общества, и затем не может не отразиться на развитии благосостояния и экономического быта страны. Нельзя при этом не указать на то, что и в политическом отношении конфискация причиняет почти всегда неисчислимый вред. Не оставившая самих преступников, она в оставшемся на родине населении возбуждает раздражение и неудовольствие против Правительства [5, с. 346].

Итогом же стало признание Министерством юстиции полной несостоятельности конфискации имущества как вида наказания.

Интересно, что некоторые исследователи видели в конфискации отнюдь не вид наказания: «...конфискация является не уголовным наказанием, а особой мерой, им сопутствующей, при наличии чрезвычайных условий» [3, с. 306]. Это мнение примечательно тем, что и в современном уголовном законодательстве Российской Федерации конфискация является иной мерой уголовно-правового характера (пробыв около семи лет в качестве наказания в Уголовном кодексе РФ 1996 г.).

Денежная пеня была самым распространенным из уголовных наказаний имущественного характера, которое предполагалось назначать за незначительные уголовные проступки, а также за мелкие корыстные противоправные деяния. В науке уголовного права того периода пеню, или денежное взыскание, определяли как «присуждение виновного в наказание за учиненное преступление к уплате определенной суммы денег» [10, с. 174]. Основные вопросы, связанные с денежной пеней, решать которые было призвано научное сообщество, сводились к уяснению размеров и приемов взимания штрафа, предложениям по их совершенствованию; а также к вопросам о замене денежной пени в случае ее неисполнения другим наказанием.

Так, Н. С. Таганцев выступал сторонником взыскания пеней в зависимости от материального состояния осужденного. По этому поводу он писал:

Уплата 10 рублей пени не имеет никакого значения для привыкшего тратить деньги без счета; она будет несколько чувствительна для человека со средними средствами и рассчитанным бюджетом и крайне тяжела для человека, считающего свой ежедневный заработок даже не рублями, а копейками [8, с. 361 – 362].

Некоторые ученые того периода выдвигали очень прогрессивное по своей сути предложение: предоставить на усмотрение судьи определение размера штрафа в зависимости от имущественного состояния осужденного – естественно, в рамках, определяемых законом (чтобы не допускать судейского произвола) [10, с. 175; 6, с. 154].

Среди проблемных вопросов Таганцев выделяет также исполнение наказания в виде денежной пени:

Всякое наказание должно быть страданием для виновного, страданием, им лично отбываемым; закон не может допустить, чтобы назначенное кому-либо наказание отбывалось за него другим лицом, но по отношению к денежным взысканиям этот принцип не может быть проводим с надлежащей последовательностью, так как государство не в состоянии на практике устранить уплату за наказанного пени другим [8, с. 362].

А такие случаи, особенно что касается уголовных процессов, имеющих политическую и партийную подоплеку, были весьма нередкими. Важным с современных позиций является замечание и о том, что штраф как наказание бессилён и для несостоятельных лиц, не могущих уплатить падающего на них взыскания [8, с. 363]. Такая ситуация актуальна и сегодня, когда определенное количество осужденных к штрафу предпочитают ему лишение свободы в силу невозможности уплатить денежное взыскание.

Что же касается замены пени другим наказанием, то, как отмечает Таганцев, она происходит при таких видах наказания, как личное содержание и отдача на заработки. Оба эти института критикуются исследователем. В частности, о первом он отзывался следующим образом:

...если денежная пеня назначается в тех случаях, когда лишение свободы представляется слишком тяжким наказанием, то допущение замены арестом, а тем более тюрьмой, будет соответствовать возвышению наказания за бедность... само исчисление соотношения пени со сроком лишения свободы будет совершенно произвольным, так как экономическое значение дня свободы будет совершенно различно не только для лиц разной профессии, но даже и для одной и той же профессии в разное время года... [8, с. 365].

По поводу же замены пени отдачей на заработки, которая есть суть принудительные работы, Таганцев замечает: несмотря на то, что в доктрине уголовного права европейских государств этот способ нашел поддержку (были сторонники и в России, например С. В. Познышев, который как главное позитивное свойство таких работ называл то, что они не связаны с лишением свободы [6, с. 155]), но в российской действительности его практическое осуществление представляет затруднения «как в приискании работ, так и в их устройстве» [8, с. 365]. Надо сказать, что с тех пор (а прошло уже более 100 лет) в плане назначения и исполнения принудительных работ ничего не изменилось.

В целом же, несмотря на обилие в отечественном законодательстве XIX в. составов преступлений, за которые возможно назначение в качестве наказания денежной пени, российские ученые считали штраф малоэффективной и даже уже отжившей мерой наказания, годящейся только в качестве «порицания» за мелкие деликты.

Завершая рассмотрение дореволюционного периода в истории науки отечественного уголовного права в области имущественных наказаний, целесообразно суммировать научные воззрения ученых того периода на рассматриваемый предмет. Интересно, что у известных правоведов Российской империи XIX в. наблюдается единство мнений и отношений к институту уголовных наказаний имущественного характера. В качестве резюмирующего можно привести высказывание И. Я. Фойницкого:

Ныне имущественные наказания утратили свое преобладающее место в системе наказаний, потому, во-первых, что наказанный продолжает иметь возможность вредить обществу, оставаясь на свободе; во-вторых, как средство обогащения казны имущественные взыскания представляются мерой, недостойной государства [10, с. 173].

Похожие мнения встречаются в трудах уже упоминавшихся исследователей: Таганцева, Сергеевского, Познышева, Есипова, Кистяковского, Бернера и др.

Несмотря на то что в дореволюционный период российского государства имущественные наказания не пользовались поддержкой в научной среде, по различным причинам считались устаревшими, малоэффективными и недостойными государства, ученые не оставляли их без своего внимания. Во-первых, это, конечно, связано с тем, что в системе уголовных наказаний имущественные санкции стабильно сохраняли свое место (в первую очередь как самый мягкий вид наказа-

ния), но сохраняли и недостатки, которые старались исправить правоведы. Во-вторых, критикуя (в редких случаях — защищая) имущественные наказания в существовавшем виде, исследователи предлагали пути преодоления коллизий вплоть до полного исключения имущественных взысканий из системы уголовных наказаний.

Однако и сегодня имущественные санкции в виде штрафа и исправительных работ сохраняются в системе уголовных наказаний, часто подвергаясь реформированию, а в научной среде все больше говорится об увеличении значения имущественных взысканий в условиях рыночной экономики, в эпоху примата прав и свобод человека. Поэтому использование опыта прошлого, исследование и анализ в том числе и доктрины уголовного права способствуют построению эффективной современной системы имущественных наказаний, без которых, думается, невозможно обойтись уголовному праву.

Список литературы

1. Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. Ч. Общая и Особенная. СПб., 1865.
2. Будзинский С. М. Начала уголовного права. Варшава, 1870.
3. Есинов В. В. Очерк русского уголовного права. Ч. Общая. СПб., 1898.
4. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Ч. Общая. Киев, 1882.
5. Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1867.
6. Познышев С. В. Учение о карательных мерах и мере наказания. М., 1908.
7. Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб., 1887.
8. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Тула, 2001. Т. 2.
9. Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003.
10. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М., 2000.

Об авторе

Антон Владимирович Тимченко — асп., ассист., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: anttimchenko@gmail.com

About the author

A. Timchenko, Postgraduate Student, Lecturer, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: anttimchenko@gmail.com